

АМИРАН УРУШАДЗЕ

ВОЛЬНАЯ ВОДА

ИСТОРИИ БОРЬБЫ
ЗА СВОБОДУ
НА ДОНУ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Амиран Тариелович Урушадзе

Вольная вода. Истории борьбы за свободу на Дону

Серия «Что такое Россия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57392492

*Вольная вода. Истории борьбы за свободу на Дону: Новое
литературное обозрение; Москва; 2020*

ISBN 978-5-4448-1413-0

Аннотация

Дон и Донская земля издавна были привлекательным, но предельно опасным фронтиром. Сюда русские люди уходили от государственного произвола, долгов, суда и прочих тяжких вин. Здесь обретали свободу, но ставкой была жизнь. Великий царь-реформатор сделал Дон служивой рекой, по нему из Воронежа первый российский военный флот пришел отвоевывать османский Азов. Спустя несколько лет, после того как восстание казаков Кондратия Булавина было потоплено в крови, по вольной воде пустили виселицы. Примириться с этим местному населению было трудно, поэтому борьба за свободу продолжилась. В книге изложены несколько эпизодов из истории донской свободы, героями которой стали не только казаки, верой и правдой служившие Российской империи и династии Романовых, но

и казаки-вольнодумцы, донские крестьяне и ростовские рабочие. Те, кто искал свободу на донских берегах, обретал и терял ее, погибал и побеждал. Амиран Урушадзе – кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, специалист по истории Кавказа.

Содержание

Введение	5
Глава 1. На чужих берегах, или Свобода выбора	23
Откуда казаки пришли. Поиски древнего казачества	23
Государственный порядок и казачий хаос	29
Как была устроена донская вольница?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Амиран Урушадзе

Вольная вода. Истории борьбы за свободу на Дону

Введение

Любая река – это еще и граница. Течение воды отделяет одно селение от другого или же делит надвое город, деревню, хутор. Дон разделял империи, цивилизации и континенты. Древние греки, которые колонизировали Северное Причерноморье в VII–V веках до новой эры, называли Дон Танаисом. Они принимали реку за границу между Европой и Азией. В «Географии» Страбона (63 до н. э. – 23 н. э.) сказано так: «...река Танаис, по всеобщему признанию, отделяет Азию от Европы». Средневековый исландский скальд Снорри Стурлусон (1178–1241) в «Саге об Инглингах» рассказывал, что река Танаис, известная также как Ванаквисл или Танаквисл, «разделяет части мира: восточную называют Азией, а западную – Европой».

Именно о Танаисе пишут многие иностранные дипломаты и путешественники, которых судьба забросила в Россию, поясняя, что русские называют эту реку Доном. В «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), кото-

рый познакомился с Русским государством в первой половине XVI века, Дон описан как национальное достояние. «Они (русские. – А. У.) не могут нахвалиться на эту реку за исключительное обилие в ней самых лучших рыб, а также приятность ее берегов, которые оба, будто они с особым усердием возделаны наподобие сада, усеяны различными травами и весьма сладкими кореньями, а сверх того множеством разнообразных плодовых деревьев. И звери, подстрелить которых из лука не представляет особого труда, водятся там в таком изобилии, что путешествующие по тем местам не нуждаются для поддержания жизни ни в чем, кроме огня и соли».

Места были завидными, но совершенно незаселенными. Об этом еще в конце XIV века написал Игнатий Смольнянин, сопровождавший митрополита Пимена в путешествии из Москвы в Константинополь. Смольнянин запомнил Дон и его берега в мрачных тонах: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе видите тамо ничтоже: ни града, ни села». Почему же на Дону было так пустынно? Причина – Дикое поле. Воды Дона пересекали самое опасное место в Евразии – обширные пространства Северного Причерноморья и Приазовья, которые именовали Половецкой степью, а чаще Диким полем. По этому идеально выглаженному степному коридору с прямой и бесконечно далекой линией горизонта вихрем проносились воинственные кочевники: хазары, печенеги, половцы,

татары.

Дон и Донская земля были привлекательным, но предельно опасным фронтиром. Сюда русские люди уходили от государственного произвола, долгов, суда и прочих тяжких вин. Здесь обретали свободу, но ставкой была жизнь. Общины донских казаков смогли выжить и окрепнуть на берегах Дона — реки рискованной свободы. Российское государство успешно использовало донскую вольницу-фронтир в качестве своеобразного предохранительного клапана против критической массы недовольных. Оппозиционеры, способные в едином порыве загнать царское самовластие в законные пределы, уходили на Дон.

Никакой фронтир не существует вечно. Дон перестал быть пограничьем в петровскую эпоху. Великий царь-реформатор сделал Дон служивой рекой, по нему из Воронежа первый российский военный флот пришел отвоевывать османский Азов. Спустя несколько лет, после того как восстание казаков Кондратия Булавина было потоплено в крови, по вольной воде пустили виселицы. Река текла, но свободы на Дону уже не было.

Примириться с этим местному населению было трудно, поэтому борьба за свободу продолжилась. В книге изложены несколько эпизодов из истории донской свободы. Они не претендуют на системность и полноту изложения, большинство из них довольно подробно исследовано в отечественной историографии. Но в общественном сознании они

почти никак и ничем не представлены. Причем иногда эти крупные события или интереснейшие исторические фигуры замалчиваются сознательно по надуманным и странным поводам. Это тем более удивительно, учитывая, что мотив свободы как исторического наследия всегда был важен для донской идентичности. Не случайно в Донском войсковом гимне, принятом Большим войсковым кругом 20 сентября 1918 года, есть и такие строки:

*Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины.
В час невзгоды – честь свободы
Отстоят твои сыны.*

Но спустя сотню лет этого как не бывало. Во время посещения музея с экспозицией о казаках-гвардейцах, служив-

ших при российских самодержцах, меня удивило то, что нет никаких упоминаний Евграфа Грузинова – полковника лейб-гвардии Казачьего полка императора Павла I. На мой вопрос о причине такого красноречивого умолчания администратор музея ответил, что Грузинов – «личность неоднозначная», а потому ему не нашлось места в мемориальном пространстве. Этот случай привел меня к замыслу книги об истории борьбы за свободу на Дону, героями которой были бы не только казаки, верой и правдой служившие Российской империи и династии Романовых, но и казаки-вольнодумцы, донские крестьяне и ростовские рабочие. Те, кто искал свободу на донских берегах, обретал и терял ее, погибал и побеждал.

Но что такое свобода? Что значит быть свободным? У каждой исторической эпохи свои ответы. В древнегреческой традиции человек свободный – это гражданин полиса, который живет на родной земле, родине предков. Древние римляне определяли свободу как отсутствие рабства: свободный – значит, не раб. Со временем понятие и понимание свободы стало сложнее, философы-стоики уже размышляли о разграничении внутренней и внешней свободы, а христианские теологи развернули многовековую дискуссию о свободе выбора человека (*liberum arbitrium*), выбора добра или зла, греха или подвига.

Эпоха Нового времени, которая началась в XVI веке и продолжалась до Первой мировой войны, вошла в историю

как время борьбы за политическую и религиозную свободу. Войны и революции сотрясали Европу, строились и разрушались империи, на смену им приходили республики. Иногда это чередование превращалось в круговое вращение, как в истории Франции. Новое время и началось со спора о свободе – спора Эразма Роттердамского и Мартина Лютера о свободе человеческой воли, который случился на исходе первой четверти XVI века. Эразм считал свободу воли человека важным элементом духовной жизни наряду с божественным предопределением, Лютер же объявлял свободу не более чем «иллюзией человеческой гордыни».

Вскоре философско-теологические дискуссии сменились вопросами организации государственного управления, справедливого налогообложения и политической ответственности. В 1566 году началось Нидерландское восстание против испанской гегемонии. Оно продолжалось 80 лет и привело к созданию Республики Соединенных провинций. Нидерланды (Нижние земли у моря) воевали за административную автономию, экономическую и религиозную свободы. При этом свобода мыслилась как свобода от испанцев и испанской власти.

Пример Нидерландов оценил английский парламент, который в 1641 году начал борьбу против государственного деспотизма Карла I и несправедливых приговоров «Звездной палаты» – высшего судебного органа Английского королевства. 22 ноября 1641 года Долгий парламент, прозван-

ный так за длительный срок существования (1640–1653; 1659–1660), принял Великую Ремонстрацию (The Grand Remonstrance). Это длинный перечень злоупотреблений королевской власти, или преступлений против свободы. Короля и его окружение обвиняли во введении незаконных и абсурдных налогов, расправах с оппозиционерами, нарушении прав собственности. Парламент требовал контроля над высшей властью: «Для лучшего охранения законов и свобод королевства необходимо, чтобы все противозаконные злоупотребления и требования были судимы и наказываемы на сессиях и ассизах (от позднелатинского *assisae* – заседания. – А. У.)». В Англии началась гражданская война, в которой победил парламент. Он провозгласил себя носителем верховной власти и обезглавил короля. Весной 1649 года королевская власть была отменена «как ненужная, обременительная и вредная для свободы». Англия стала республикой «Общего блага» (Commonwealth). Освободившись от короля и «Звездной палаты», учредив республику, победители должны были определить программу будущего. Англичане завоевали так называемую «негативную» свободу (свободу от чего-либо) и теперь стояли перед вызовом «позитивной» свободы (свободы для чего-либо).

Одной из попыток определить свободу стал памфлет лидера диггеров (копателей) Джерарда Уинстенли (1609–1676) «Закон Свободы». Уинстенли дал такое определение свободе и свободному человеку: «Каждый свободный человек бу-

дет обладать свободой пользования землею, обрабатывать ее или строить на ней, свободно получать из складов все, в чем он нуждается, и будет пользоваться плодами трудов своих без всякого ограничения; он не будет платить ренты никакому лорду, и будет обладать правом быть избранным на должность, если ему свыше сорока лет, а если он не достиг сорокалетнего возраста, то он будет обладать правом голоса при выборе должностных лиц». Уинстенли считал главным врагом свободы бедность: «Вот рабство, на которое бедные жалуются: они живут в нищете в стране, где так много изобилия для каждого». Выход – свободное пользование землей для всех без ренты и лордов. Этот утопический идеал диггеры попытались воплотить в жизнь, но первая же их колония, построенная на принципах свободы и равноправия, была уничтожена республиканскими властями. Собственники распаханной земли забили тревогу. И государство не могло остаться безучастным: нет права собственности – нет дохода – нет налогов – нет государственных институтов. История движения диггеров показывает, что важным являлся не только вопрос определения свободы, но и проблема ее границ, за которыми простирается темная бездна хаоса вседозволенности и произвола.

В Новое время европейские страны пытались разрешить дилемму свободы и порядка, но окончательного ответа, формулы свободы нет и сегодня. Республики, победа которых над «старыми режимами» явилась торжеством политиче-

ской свободы, так и не смогли достичь социальной свободы. Поэтому сторонники левых утопических идеалов всегда могли заявить об отсутствии «истинной свободы», понимаемой как тотальное равноправие и прямое политическое участие в делах государства. Многое из этого остается предметом споров и борьбы в современных государствах Европы и Северной Америки.

Знает ли российская история аналогичные эпизоды и события? Существует ли российская история свободы? Историк и философ Георгий Федотов (1886–1951) писал, что ответить на такие вопросы – значит решить, является ли Россия частью европейской культуры и истории. Если говорить о свободе как об ограничении произвола, и в первую очередь произвола политического, то русская история X–XII веков знает примеры разнообразных механизмов «сдержек и противовесов». Княжеская власть контролировалась катехоном (от греческого «удерживающий») служителей Церкви, независимым боярством, сильной вечевой традицией в больших городах. Русь и в политическом, и в культурном отношении была частью Европы. Об этом свидетельствуют и разветвленные матримониальные отношения. Великий князь киевский Владимир Мономах был женат на английской принцессе Гите Уэссекской – дочери последнего англосаксонского короля Гарольда II Годвинсона, погибшего в битве при Гастингсе 14 октября 1066 года. Монгольское нашествие XIII века словно форматирует диск с политическим и культурным на-

следуем Древней Руси. Погибло две трети городов, большинство из них впоследствии не возродились или выжили, но уже в виде мелких поселений.

Центр военно-политической силы постепенно переместился в Москву, где, в силу ордынского влияния и сложных природно-климатических условий, формируется новая модель государства и общества. О тяжелых переменах в организации русской повседневной жизни и даже в самом характере народа писали Николай Карамзин и Александр Герцен. Последний с горечью отмечал: «У преследуемого, разоренного, всегда запуганного народа появились черты хитрости и угодливости, присущие всем угнетенным: общество пало духом». Историк Николай Костомаров (1817–1885) писал, что монгольское нашествие не оставило русским князьям и простому народу выбора, «оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства». Сбросить владычество Орды удалось только к концу XV столетия. Но, освободившись от внешней несвободы, московские правители не собирались возвращаться к вечевым идеалам старины. По словам того же Александра Герцена, «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни». Мечтой московских государей стала неограниченная самодержавная власть. Иван III (1440–1505; правил 1462–1505) – «отец русского самодержавия» – собрал под свою руку русские кня-

жества, вывез из Новгорода вечевой колокол (1478), предательски заморил в темнице своего брата Андрея Большого (1446–1493), которого за благородство и гуманизм историки называют «последним рыцарем Средневековья». Василий III (1479–1533; правил 1505–1533) продолжил укреплять единовластную власть: боярство потеряло политическое значение, все важные решения московский государь принимал в личных покоях при участии немногих ближайших советников. Завершил самодержавную революцию первый русский царь Иван IV Грозный (1530–1584; правил 1533–1584), который кровавыми репрессиями окончательно подавил боярскую оппозицию. Один из ближайших сподвижников царя воевода Андрей Курбский (1528–1583), опасаясь царской расправы, бежал в Польшу. В эмиграции Курбский написал «Историю о делах великого князя московского», в котором подробно отобразил многочисленные бессудные казни Ивана Грозного. Массового и организованного протеста государственному террору не было. Причин народной покорности множество (бесконечные войны, эсхатологические ожидания), но основные – социальная ненависть и державная гордость. Народ безучастно наблюдал за истреблением богатых боярских и княжеских родов, царь был окружен ореолом победителя Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. Ужасы опричнины (1565–1572) и военные неудачи опустошили страну и разорили разделенное социальными противоречиями общество. О политической свободе и меха-

низмах сдерживания власти уже никто не помышлял.

Но в истории России был Дон – не просто река, а река-республика. История донской свободы разворачивалась параллельно истории европейской борьбы за политические вольности. Казачья колонизация Дона развивается во второй половине XVI века, а к началу следующего столетия донское казачество превращается в мощную военно-политическую силу, которая приняла активное участие в событиях Смутного времени (1598–1613). На Дон уходили не только бесправные крестьяне Московского государства, но и разоренные беспрестанными войнами «оскудевшие» дворяне, которые оставляли царскую службу. Отметим, что на вольной реке дворяне-беглецы часто становились военными предводителями казаков и, как отметил историк Руслан Скрынников, «при благоприятных условиях беглый дворянин, послужив вольным атаманом на Дону, мог вернуться на государеву службу в прежний чин». Вольные донские казаки подчинялись только своим выборным атаманам. Выборная администрация Дона как реки-республики схожа с принципами политического устройства итальянских городов-республик Венеции, Генуи, Лукки.

Дон привлекал переселенцев и из отдаленных стран и регионов, сюда за вольной жизнью уходили крестьяне польских магнатов и черкесской аристократии. В средневековой Европе сложился правовой обычай, который сформулирован в германской пословице «Городской воздух делает свобод-

ным» («Stadtluft macht frei»). История Донской республики знает схожий и хорошо известный правовой обычай – «С Дона выдачи нет». Это означало, что человек, ушедший на берега реки-республики, не выдавался своим бывшим начальникам или хозяевам. В XVI–XVII веках воздух Дона делал русского человека свободным.

«Повесть о взятии Азова в 1637 году» и другие исторические свидетельства называют население Донской республики «вольным казачеством великим Донским Войском». Номинация «Войско Донское» утвердилась в документах и сознании населения реки-республики на рубеже XVI–XVII веков. Охватывала она казачьи поселения Нижнего Дона. Верхний Дон стал составной частью Войска только в 1620-х годах. Принципиально важно то, что Войско Донское именовалось «вольным». Тем самым вольные донские казаки отделялись от служилых казаков, которые несли сторожевую службу в южнорусских городах и крепостях и подчинялись царским воеводам. Возникает вопрос: тождественны ли понятия свободы и воли? Почему жителей Дона чаще называли вольными, а не свободными? Вольный казак – звучит, а вот свободный казак – почти оксюморон. Слово «воля» связано в русском языке с простором, открытым пространством:

*Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.*

В этих строчках Александра Блока воля обретается в поле. И действительно, как уже было отмечено, течение Дона пронизывало территорию Дикого поля.

Было бы ошибкой полагать, что понятие воли существует только в русском языке. В немецком есть слово с похожей смысловой нагрузкой – Freiheit. Вольный казак жил на донском просторе, а свобода, как и в европейской традиции, чаще соотносилась с жизнью в городе или слободе. Как отметили филологи Ирина Левонтина и Алексей Шмелев, «название городского поселения слобода этимологически тождественно слову свобода». Свобода всегда связана с правом, законом и свойственными им ограничениями. Воля не знает этой привязки, жить на воле – жить по-своему.

Русские города-республики Новгород и Псков, которые были центрами традиций политической свободы, подчинились московским государям в конце XV – начале XVI века. Единственным пространством свободы как воли стал Дон. Уже на заре истории реки-республики российские правители пытались ограничить донскую вольность. С 1580-х годов царское правительство безуспешно настаивало на описи всех донских казаков, которые выполняли временную государственную службу: сопровождали послов, вели дозорное наблюдение в степи. Дон отвергал требования подчиниться царским воеводам, казаки шли только за своими атаманами. Однако за два столетия (XVII–XVIII века) Дон растерял свой незави-

симый статус.

В 1830-х годах через Дон проезжала графиня Евдокия Ростопчина – известная поэтесса и хозяйка модного литературного салона. Графиню поразило несоответствие величественного прошлого Дона и того, что ей довелось увидеть. Под этим впечатлением Ростопчина сочинила стихотворение «К Дону», которое было опубликовано в периодической печати и разошлось списками:

*Ты ль это, Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Рассказы шумные молвы!
Тебя ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней,
Тебе ль отцы не повторяли
Приветы дедовских речей?
И что ж теперь?.. Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь;
Ты не буиуешь, не кипишь,
Ты дряхл, ты хил... ты в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,
Противусмыслен, Дон седой!*

Ростопчина отказала Дону в статусе символа свободоловбия, река в стихотворении предстает странным призраком глубокой старины. Дон здесь будто бы неразделим с темной допетровской Россией и не может существовать («про-

тивусмыслен») в условиях просвещенного и рационального XIX столетия. Все это важно и показательно. Трагически потеряв собственную традицию политической свободы, лишившись инструментов ограничения тирании в результате монгольского завоевания и московской самодержавной революции, русская аристократия с конца XVIII столетия начала размышлять о европейском опыте борьбы за свободу. Кумирами стали великие французские мыслители Вольтер и Жан-Жак Руссо, а идеалом Закон – сила, подчиняющая и защищающая весь народ от произвола правителя, и наоборот. Как писал Александр Пушкин в оде «Вольность»:

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.*

Русское дворянство в XIX столетии все больше говорит о конституции и реформах, задумывается о проблеме крепостничества. 14 декабря 1825 года решительная попытка избавиться от самодержавия не увенчалась успехом. Но разговоры о Законе продолжились, появлялись новые проекты. Именно в первой половине XIX века Россия, по словам Кирилла Кобрин, обрела язык общественной дискуссии. А Дон все так же неторопливо катил свои волны. Вольная история реки-республики не пользовалась популярностью, сколь-нибудь сопоставимой с успехом западноевропейских

интеллектуалов. Поэтому Ростопчина в своем суровом отзыве была так категорична: Дон – предмет неактуальной старины.

«Ответ Дона» на стихотворение графини Ростопчиной почти сразу сочинил донской историк Василий Сухоруков. Дон не признавал обвинений графини-поэтессы, но соглашался, что время вольного Дона осталось в прошлом:

*Я дряхл и хил, вы говорите:
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья,
И вечность – летопись моя:
Я современник мирозданья!
И недвижим я с этих пор
Как говорит мне ваш укор!
О, как я вольно разливался
И часто грозно я шумел
Бессмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!*

Но превратились ли вольные традиции Дона к XIX столетию лишь в отголосок прошлого? Герои книги и их истории свидетельствуют об обратном. Дон помнил о свободе и вдохновлял бороться за нее без философов-посредников.

Глава 1. На чужих берегах, или Свобода выбора *Восстание донских казаков в 1792–1794 годах*

Откуда казаки пришли. Поиски древнего казачества

«А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Отбегаем мы из того государства Московскаго из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых, да где прибегли и вселились в пустыне непроходней...» – так о происхождении донского казачества писал в 1642 году есаул Федор Порошин в «Повести об азовском осадном сидении Донских казаков». Писалось это вполне официально и обращено было к Земскому собору Московской Руси, у которой донцы просили помощи в неравной борьбе с турками. Стало быть, донское казачество появилось в результате бегства обездоленных и недовольных, утекавших на опасный, но свободный юг. Так, но не совсем. Историки-казаковеды на протяжении многих лет выдвигали различные теории происхождения донского казачества. Сама эта проблема превратилась

лась в основной вопрос казачества, стала предметом не только научного интереса, но и идеологических спекуляций. Попробуем разобраться в разноречивости версий и весомости их аргументов.

Что не устраивало историков в «автобиографической» версии происхождения донских казаков, приведенной выше? Многое. Во-первых, было непонятно, как вчерашние беглые холопы и крестьяне стали вдруг искусными воинами, доставлявшими массу беспокойств могущественному османскому султану. Во-вторых, трудно было объяснить, почему привыкшие к земледельческому труду крестьяне вдруг забывают свой *modus vivendi* и живут военно-походным промыслом. В-третьих, историкам не давал покоя вопрос о том, как переселенцы смогли выжить в новых природно-климатических условиях, в окружении совсем не мирных соседей. Напомню, что Дон в те времена – территория со славой весьма зловещей, называли ее Диким полем. Здесь всегда было небезопасно. Внезапным огненным смерчем могли нагрянуть крымские татары и ногайцы. Отнимали они или жизнь, или свободу, а уцелевшим оставалось только разоренное хозяйство.

В XVIII веке российские историки пытались отыскать корни казачества в эпохе раннего Средневековья. Петровский сподвижник Василий Татищев, успевавший между основанием городов и совершенствованием уральских заводов заниматься историей, полагал, что донские казаки имели се-

верокавказское происхождение, а точнее, были «из Черкас от Бештау». В версии Татищева прародиной казачества выступал район Пятигорья, где разворачивается действие лермонтовского «Героя нашего времени». В 1282 году, по сведениям Татищева, предки донцов переселились под Курск. Оттуда вскоре ушли на Днепр, где основали город Черкасы. С Днепра казаки переселились на Дон, «построили город Черкаской» и стали в нем жить. У Татищева донские казаки прошли долгий путь, который, вероятно, сделал их привычными к смене места обитания и закалил военные навыки.

Версию, близкую к татищевской, высказал один из первых профессиональных российских историков немец Готлиб Байер. Он так же увидел прародину казаков на Северном Кавказе и поддерживал мнение о древнем происхождении казачества. «...Казаков можно было почитать за древний народ»; они еще «в 948 году жили в нынешней Кабарде близ Кавказских гор, где они от великого князя Мстислава в Российское подданство приведены были», писал ученый немец. Байер считал казаков продуктом смешения представителей различных народов, волею судеб оказывавшихся среди сынов вольного Дона. Он отмечал, что казаки «всегда принимали россиян, поляков и других, которые у них искали прибежища».

О толерантности казаков писал и историк Петр Голубовский – автор одного из первых исследований кочевого мира на границах Древнерусского государства «Печенеги, тор-

ки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.» (1884). «Обыкновенно, – повествовал Голубовский, – борьба производит ненависть ко всему, что не составляет „нашей, моей“ нации; она имеет следствием консерватизм в нравах и обычаях, не допускающий никаких уступок... Но (у казаков. – А. У.) мы этого не видим. Эта национальная терпимость, оказываемая запорожцами и донцами, *есть традиция глубокой древности*. Никто из них не сказал бы, почему он так смотрит на других людей не одной с ним нации, потому что эта оригинальная черта спрослась с ним и, нам кажется, ведет свое начало с того времени, когда действовали предшественники запорожцев и донцов, их отцы по духу, первые организаторы казачества, бродники и берладники, в общину которых вошли и входили и тюркские, и, вероятно, всякие другие элементы». По Голубовскому, казачество выросло из бродников и берладников – русских общин, которые боролись за жизнь в Диком поле с соседями-кочевниками в XII–XIII веках.

Казаки действительно не страдали этническими стереотипами и фобиями. Во многом поэтому они стали авангардом российской колонизации. Проникая на незнакомую территорию, казаки быстро адаптировались к новой природной и социальной среде. Как отмечал неизвестный автор книги «Колонизация Кавказа и казаки» (1886), «где оснуется 10–20 казаков – они уже принимают в свою общину всех – русских крестьян и черкесов».

Некоторые теории древнего происхождения донского казачества выглядят весьма экзотично. Алексей Попов, бывший в начале XIX столетия директором училищ в Войске Донском, заявил о происхождении донских казаков от амазонок. Никаких доказательств в подтверждение своего «открытия» автор не привел. Попову покровительствовал герой Отечественной войны 1812 года атаман Матвей Платов, поэтому ученой критики директор училищ мог не опасаться.

Плодовитый историк-любитель Евграф Савельев, который в конце XIX века служил на Дону приходским учителем, попытался выявить историческую генеалогию казачества. Картина получилась масштабной. Корни казачества Савельев «откопал» в истории скифов, сарматов, гуннов, хазар, а также счел казачьими предками этрусков. Исследовательским методом Савельева стала фантазия, подкрепленная созвучиями (иногда весьма отдаленными) в названиях народов и территорий. Вот как он вывел казаков из древних ариев, следите внимательно: «Итак, арийцы, выселившиеся из Арианы, распространились по всей западной и южной Азии, восточной и южной, а потом и остальной части Европы... Военное сословие у них называлось „Ас“... Передовые отряды Асов носили название Геты, Хеты, Четы, Гайдамаки и т. п., от геть – идти вперед, в поход... Куда проникали Азы-Геты или Ас-Саки, мирным ли путем или с мечом в руках, от Индии до Италии и Испании и от дельты Нила до Скандинавии, там они, как носители древней арийской цивилизации,

становились во главе правления, составляя из себя высшее благородное сословие – „конных азов“ или князей и „Азов-Саков“ или Казаков».

Поиски древнего казачества – это только одна из граней основного вопроса казаковедения. Он разрешался не только по времени образования казачьих общин, но и в тесном переплетении с противоречивой историей взаимоотношений донцов и государственной власти.

Государственный порядок и казачий хаос

Николай Карамзин, Сергей Соловьев, Василий Ключевский – великие русские историки XIX века, для которых высшей исторической ценностью было государство как универсальный механизм поддержания порядка и следования путем прогресса. Соответственно, в казачестве, которое долгое время было примером негосударственного способа самоорганизации, они видели в основном вред и смуту.

«Происхождение их (казаков. – А. У.) не весьма благородно», – писал Карамзин. Предками донцов Карамзин называл азовских казаков, «которые в XV веке ужасали всех путешественников в окрестностях Дона», и русских беглецов, «искавших дикой вольности и добыч в опустевших улусах Орды Батыевой». Выходило, что донские казаки были потомками грабительских ватаг с Дикого поля. Любопытно, что появление карамзинской «Истории государства Российского» с этим пассажем о «не весьма благородном» происхождении казачества совпало с формированием нового донского дворянства, стремившегося стать частью дворянства российского. Поэтому труд Карамзина на Дону не жаловали, а местные историки стали активнее искать ответы на вопрос о происхождении казаков.

Влияние Карамзина на исторические взгляды и обще-

ственное мнение первой половины XIX столетия было огромно. Именно его обидная оценка, выданная казачеству, стала причиной общего негативного отношения к казакам в российском читающем обществе. Настроение это только закрепилось после публикации монументальной «Истории России с древнейших времен» (29 томов в первом издании) Сергея Соловьева, который упорно и неустанно писал свое сочинение целых 30 лет. Он считал казаков силой антигосударственной и даже антиобщественной. Согласно Соловьеву, казаки были «людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить за счет общества, жить чужими трудами». Соловьев убеждал читателя во вредности казачества, которое шло против государства, а значит, и против разумного развития: «...Казак, разумеется, не мог согласовать своих интересов с интересами государства, беспрестанно действовал вопреки последним». По мнению Соловьева, казачество «усиливалось за счет государства, вытягивая из последнего служебные и производительные силы». Получалось, что казаки-разбойники стояли на пути государства как единственного в России европейца, стремившегося приучить народ к порядку и благоустройству. Стоит ли говорить, что Соловьев полностью одобрял государственную политику по полному подчинению вольного Дона.

Близка соловьевской по смыслу и звучанию версия происхождения донского казачества, предложенная Василием Ключевским. Это неудивительно, ведь Ключевский был уче-

ником Соловьева. Начало казачества Василий Осипович видел в слое «людей без определенных занятий и постоянного местожительства», который появляется в XV веке и оседает в пограничных со степью городах. Слабость Орды, распавшейся на несколько независимых ханств, позволила этим вагабондам (бродягам, проходимцам) выбраться «с оружием в руках... в степь для рыбного и звериного промысла». Они объединялись в артели для совместного промысла и поселялись на Верхнем Дону. Так, по мнению Ключевского, человек с ружьем стал вольным донским казаком.

Как была устроена донская вольница?

«В куль да в воду» – так казнили на Дону за измену, трусость, воровство и убийство. Виновного завязывали в мешок и бросали в реку. Суровость наказания отражает высокую ответственность казака перед сообществом. Донские казаки заселили открытый и опасный фронт, где можно было надеяться только на собственные силы, малодушным здесь места не было. Жизнь при постоянной военной угрозе, необходимость выживания в трудных условиях – все эти обстоятельства стали условиями формирования демократических институтов управления на Дону. «Казаки, соединяясь в одно общество из разноплеменной вольницы, не могли иначе распоряжаться общественные предметы и дела, как только общим советом», – писал донской историк Василий Сухорук (1795–1841). Казаки в XVI–XVII веках доверяли только своим выборным предводителям – атаманам. Их выбирали на Войсковом круге, который проходил в столицах Донской республики: до 1622 года в Раздорах (Раздорской станции), в 1622–1637 годах в Монастырском городке, в 1637–1642 годах в отвоёванном у турок Азове, в 1642–1644 годах вновь в Раздорах и с 1644 года в Черкасске.

Принимать участие в круге могли все донские казаки, но на практике собирались жители столицы и ее ближайших

окраин. Остальные же казаки признавали легитимность принятых на круге решений. Казаки собирались в круг на большой площади (майдане) или у собора и решали самые разные вопросы: договаривались о военно-промысловых походах, выбирали атамана и есаулов, принимали царских послов, решали судебные дела и объявляли приговоры. Проведение собраний-кругов, выборы атамана и других должностных лиц придавали вольной казачьей жизни как бы официальный, утвержденный характер. Как отметил историк Олег Усенко, «с точки зрения донцов, практика созыва кругов и выбора на них атамана и его помощников отличала казаков от „воров“ и „разбойников“ и делала любые их мероприятия законными».

Механизм работы донского казачьего круга, а также его функции схожи с древнерусской вечевой традицией, которая дольше всего просуществовала в Новгородской республике (до 1478 года). Кроме Войскового круга, который проходил в донской столице, в других казачьих поселениях для решения важных вопросов повседневной жизни также собирались местные круги. Такое устройство отчасти напоминает древнескандинавскую систему управления эпохи викингов (VIII–XI века). Скандинавы проводили тинги – региональные народные собрания и альтинги – всеобщие советы, на которых обсуждали особенно важные дела. Альтингом называется и современный парламент Исландии, старейший в мире.

Обсуждение дела на казачьем круге часто было бурным и могло закончиться рукопашным столкновением. Так бывало и на новгородском вече, когда противоборствующие стороны сходились на Великом мосту через Волхов. 12 апреля 1670 года на круге в Черкасске Степан Разин едва не убил войскового атамана Корнилу Яковлева, который выступал против конфронтации с Москвой. 7 апреля 1688 года на круге решалась судьба бывшего атамана Самойлы Лаврентьева, которого московское правительство требовало выдать как опасного старообрядца-заговорщика и преступника. Атаман Фрол Минаев – противник Лаврентьева и близкий Москве политик – пытался убедить казаков в необходимости выдать Лаврентьева. Но круг колебался. В решающий момент со словом в защиту Лаврентьева вышел казак, имя которого неизвестно, но его выступление почти убедило остальных в невозможности исполнить требование Москвы. Казак красноречиво настаивал на неуклонном соблюдении вольных донских традиций, а значит – отказе выдавать государственных преступников. Далее события развивались трагически: «И Фрол Минаев со своими товарищами, которые великим государям (Иван V и Петр I. – А. У.) служат, усмотря воровский их (казаков – противников выдачи Лаврентьева. – А. У.) вымысел, чтобы их до большего дурна не допустить, закричав, кинулся с насекою (длинная деревянная трость с серебряным шаровидным навершием. – А. У.) и велел его бить до смерти: и казаки того казака били и из

круга выкинули мертвого».

Войсковой круг не имел установленных сроков работы, казаки собирались по случаю. Но чаще всего важные круги проходили весной, обязательно собирались на семик – 17 мая. К этому дню на Дон приезжали царские послы, доставлявшие государево жалованье (деньги, железо, свинец, порох, бумагу, ткани), которое полагалось казакам за службу: участие в военных экспедициях, сопровождение дипломатических миссий. Московский посол приветствовал донцов от царского имени: «Великий государь вас, атаманов и казаков, и все Донское Войско за верную службу жалует и милостиво похваляет, и велел вас, атаманов и казаков, спросить о здоровье». После этого ритуала жалованье дуванилось (разделялось) между казаками.

«Выборным президентом Донской республики» называл войскового атамана историк и общественный деятель Сергей Сватиков (1880–1942). Власть атамана была ограничена всевластием круга, привилегией атаманского статуса было представление дела войску. Атаманов казаки слушали с особым вниманием, но это не означало единодушного согласия. Известны случаи атаманского низложения прямо на казачьем круге. «Круг в XVII веке всегда был выше атамана и в любой момент мог сместить его», – отметил историк Николай Мининков. Но многое зависело и от личности атамана. История Дона знает сильных, влиятельных атаманов, настоящих мастеров политической борьбы: Иван Каторжный, Епифан Ра-

дилов, Корнила Яковлев, Фрол Минаев. Пользуясь харизматическими качествами и популярностью или создавая патронажные сети, сильные атаманы могли приобретать большое влияние, продавливать свои решения и оставаться у власти долгие годы. Сложив с себя бремя атаманской власти, казак ничем не выделялся среди остальных донцов, его лишь могли терпеливее выслушивать на круге, но не более.

В XVI–XVII веках вольный донской казак жил охотой, рыболовством, но главным источником существования и обогащения являлись военные походы. Донские казаки грабили купеческие караваны по Волге, разоряли персидские владения на Каспии, донские струги – небольшие парусно-гребные суда с малой осадкой и великолепной маневренностью – атаковали Трапезунд (современный Трабзон) и предместья Стамбула. Историк Владимир Королев в книге «Босфорская война» приводит сведения, согласно которым в XVII веке Османская империя с трудом сдерживала натиск морских экспедиций донских и запорожских казаков, в первой четверти того же столетия многие современники признавали, что именно казаки были «хозяевами Черного моря».

Земледелием до рубежа XVII–XVIII веков на Дону почти не занимались. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, условия постоянной военной тревоги никак не располагали к систематическому труду земледельца, в любой момент поля и посевы могли быть уничтожены нагрянувшим врагом (турками, черкесами, калмыка-

ми). Во-вторых, донские казаки справедливо полагали, что развитие земледелия могло привести к социальному расслоению, «появлению панов». Московская Русь была как раз аграрным государством, от которого бежали на Дон. Казаки интуитивно чувствовали, что земледелие приведет за собой несвободу. Один из заветов легендарного донского атамана Ермака (1532–1585), покорившего Сибирь, гласил: «Землю, казаки, пахать нельзя, мы – воины! Станем землю пахать – паны появятся. Ловите рыбу, разводите скотину, ходите на гульбу, за зипунами».

До начала XVII столетия донское казачество представляло собой военный мужской союз, в котором не было места женам и детям. Женщин казаки захватывали в военных походах, а затем, вернувшись с ними на Дон, сожительствовали с пленницами без брачных отношений. Историк и этнограф Михаил Харузин (1860–1888) упоминает случаи, когда у казаков целого поселения на всех была одна женщина. Бессемейный образ жизни объясняется трудностями, с которыми ежедневно сталкивались казаки. «Ведя походный образ жизни, и подвергаясь сами в своих городках беспрестанным нападениям со стороны многочисленных степных врагов, казаки не могли желать стеснять себя семьей», – писал Харузин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.